

Ю. Л. Михайлова

Советско-латвийский договор 11 августа 1920 г.: законодательное регулирование и практика обмена беженцами и оптации

Мирный договор между РСФСР и Латвийской Республикой, заключенный 11 августа 1920 г., имел следствием признание со стороны Советской Республики независимости Латвии. В ходе непростых мирных переговоров, которые шли в течение нескольких месяцев на фоне разраставшегося советско-польского конфликта, были урегулированы вопросы о границе между Россией и Латвией, возмещении военных потерь, разрабатывался порядок обмена беженцами и условия оптации.

Практическое решение проблемы беженцев и оптации мало изучено в российской историографии. Беженство в ней изучалось как одна из составляющих более общих тем, современные же российские историки нередко ограничиваются анализом статей самих мирных договоров, но не механизма их реализации, несмотря на то что на практике они далеко не всегда совпадали¹. Как подчеркивают современные исследователи, затрагивающие проблему репатриации после Первой мировой войны, опыт «регулирования крупных потоков» беженцев и военнопленных стал своеобразным вызовом для Советского государства, заложил основы будущей миграционной политики². По теме беженства в годы революции и Гражданской войны в настоящее время опубликован ряд специальных исследований³.

Обмен беженцами и оптация в нормативных актах

Проблема оптации гражданства затрагивала группы населения, чей юридический и правовой статус на момент заключения мирного договора не был вполне определен. Касалась она и тех, кто в период взаимного признания двух молодых государств (Латвийская Республика, РСФСР) желал вернуться на родину (латыши в России, русские в Латвии). Одновременно требовалось урегулировать вопрос о возвращении на родину беженцев и военнопленных с обеих сторон.

Первым, еще до заключения основного мирного договора, последовал договор России и Латвии о реэвакуации беженцев от 12 июня 1920 г., который определял порядок обмена беженцами⁴. Эта проблема остро стояла в ходе мирных переговоров, ведшихся сначала в Москве, а затем в Риге, и не терпела отлагательств. Процесс обмена беженцами стал естественным следствием перемирия и начала мирных переговоров между Латвией и Россией. В самом тексте договора проговаривалось, что он направлен на скорейшее возвращение беженцев домой, «не дожидаясь заключения мира между договаривающимися сторонами».

Согласно этому договору, беженцы с обеих сторон должны были быть возвращены на родину в «возможно непродолжительный срок». Определялось понятие «беженец»: «Под понятие беженец подходят лица, ранее проживавшие на территории одной из договаривающихся сторон и ныне находящиеся на территории другой, оставившие во время мировой войны 1914–1917 гг. или во время гражданской войны занятые или угрожаемые неприятелем районы, либо выселенные распоряжением гражданских властей из района военных действий» (ст. 2). Одновременно оговаривалось, что в первую очередь эвакуируются беженцы, «члены семей которых находятся на территории другой стороны», а также из районов, «наиболее для них неблагоприятных в продовольственном, жилищном и прочих бытовых отношениях» (ст. 5).

Статья 8 Рижского мирного договора между Советской Россией и Латвийской Республикой определяла порядок оптации гражданства: латвийское гражданство могли оптировать те, кто «ко дню ратификации договора» проживал в пределах Латвии, а также беженцы, которые до 1 августа 1914 г. были приписаны к «городским, сельским или сословным обществам на территории, составляющей ныне Латвийское Государство»⁵. Сменить латвийское гражданство и оптировать российское позволялось, согласно договору, совершеннолетним в течение одного года после ратификации договора (их гражданству автоматически следовали и дети). Такие же условия были прописаны в договоре и в отношении российских граждан, желающих оптировать латвийское гражданство. Права оптантов согласно ст. 8 мирного договора между Россией и Латвией от 11 августа 1920 г. получили граждане, «которые до и во время мировой войны 1914–1917 гг. проживали на территории одной стороны, а к моменту ратификации договора проживали на территории другой»⁶.

Рижский договор не отменял действия договора от 12 июня 1920 г., а дополнял: теперь беженцы помимо всех прав, оговоренных ранее, получали также и права, «присвоенные настоящим мирным договором оптантам и гражданам соответствующей стороны» (ст. 9). Соглашение о взаимном возвращении пленных, оказавшихся соответственно на территории Латвии и России, было заключено 16 ноября 1920 г.⁷ Это соглашение определяло военнопленных русских в Латвии и латышей в России «освобожденными от плена», но строго запрещало им отправляться на родину самостоятельно — этот процесс должны были организовать местные власти, сформировав специальные эшелоны. Для этого надлежало с обеих сторон составить списки лиц, «числящихся пленными и подлежащих отправке» (ст. 7)⁸. Это же соглашение учитывало и желание людей не возвращаться на родину: «Выразившие желание остаться в государстве, взявшем их в плен, подают об этом соответствующее ходатайство властям государства, где они проживают, и по удовлетворении какого имеют право оставаться на условиях, установленных этими властями» (ст. 9).

В течение 1921 г. было заключено несколько соглашений между Советской Россией и Латвийской Республикой, регулирующих порядок оптации гражданства. Две части соглашения касались оптации латвийского гражданства⁹. В отношении латышей в России, желавших оптировать латвийское гражданство, соглашением от 22 июля 1921 г. определялось: те лица, которые по договору 11 августа были признаны российскими гражданами, могут его сменить и оптировать латвийское в том случае, если «они сами или их родители были до 1 августа 1914 г. приписаны к городским, сельским или сословным обществам на территории, входящей в состав Республики Латвии»¹⁰. Точкой отсчета для этого соглашения было 4 октября 1920 г. — дата обмена ратификационными грамотами. Заявление об оптации латвийского гражданства принимались согласно этому нормативному акту в течение 6 месяцев для проживавших в Европейской России, в течение 9 месяцев для тех, кто хотел выехать из Азиатской части России и с Кавказа. Доказательством права на оптацию служили вид на жительство, паспорт или метрика, а если таковых не было, могли принимать свидетельства об образовании, формулярные списки о прежней службе, свидетельства о приписке к призывному участку, выписки из сословных книг и т. п.¹¹ К моменту, когда было заключено это соглашение, на территории Советской России уже были организованы консульские службы Латвии, куда наряду с губернскими отделами управления НКВД следовало подавать заявления на оптацию и все полагающиеся документы. При этом от потенциальных оптантов требовалось предоставить довольно подробную информацию о себе в форме заполненной анкеты, которая включала сведения об образовании, роде занятий, месте службы и занимаемой должности, составе семьи и принадлежности к «прежнему сословию» — таким образом местные власти получали четкое представление о человеке, желающем выехать из России¹².

Даже в соответствии с тем, как процесс был прописан на бумаге, смена гражданства не была быстрым делом: принятое в латвийском консульстве заявление на оптацию рассматривалось в двухмесячный срок, затем информация передавалась в НКВД для проверки, после чего «по признанию постановления латвийского представительства правильным, в течение одного месяца со дня поступления к нему этого постановления, посылает документ лицу, возбуждавшему ходатайство об оптации, а латвийское представительство посылает одновременно уведомление о выходе оптанта из российского гражданства»¹³. И это минимальный срок для проживавших на территории Европейской России, для остальных он был еще больше. Кроме того, через год после заключения мирного договора министр иностранных дел Латвии З. А. Мейеровицс обращался к Г. В. Чичерину с протестом: несмотря на действующую к августу 1921 г. первую часть вышеупомянутого соглашения России и Латвии о порядке оптации, Наркоминдел активно вмешивался в этот процесс. Так, советские власти настаивали на том, что те дела об оптации латвийского гражданства, которые были начаты до принятия Соглашения 22 июля 1921 г., вновь возобновлялись и рассматривались по сути заново, в порядке, установленном новой конвенцией¹⁴. Это означало для многих как минимум задержку в получении гражданства и возвращении на родину.

Таким образом, вышеупомянутые документы стали законодательной базой, которая регулировала процесс возвращения на родину беженцев с обеих сторон и порядок оптации гражданства. Как показывают документы, сопровождавшие процесс мирных переговоров, заключение договора и его последующую реализацию, статьи закона не всегда соблюдались, местные власти с обеих сторон вмешивались в процедуру оптации, предпринимали попытки влиять на этнический, социальный состав въезжающих групп беженцев и оптантов. Нерегулярная работа смешанных российско-латвийских реэвакуационных комиссий, призванных в рабочем порядке решать спорные и очередные вопросы, также нередко тормозила процессы возвращения беженцев на родину¹⁵.

По приблизительным подсчетам, ко времени революции 1917 г. в Российской империи за пределами этнических латвийских территорий находилось 880 тыс. латышей¹⁶. Подавляющая их часть покинула родину в годы мировой войны. Все латыши, как и другие народы до революции, были не гражданами, а подданными Российской империи. А по первой конституции РСФСР 1918 г. все лица, находившиеся на территории Советской России, становились ее гражданами. Таким образом, чтобы вернуться в Латвию, латышам (а также русским — уроженцам территории новой Латвийской Республики) необходимо было выбрать для себя гражданство Латвии и подать документы, удостоверяющие их право на получение латвийского гражданства, без чего нельзя было легально вернуться на родину.

Процедура оптации предусматривала подачу документов — латыши, желающие оптировать российское гражданство, должны были предоставить

сведения, доказывающие право на оптацию (паспорт, метрика, свидетельство об отбывании воинской повинности). Заявление об оптации надо было подать в течение года с момента ратификации мирного договора¹⁷. После подписания договора 11 августа 1920 г. и установления дипломатических отношений при посольстве Латвии в Москве был создан отдел, занимавшийся вопросами реэвакуации соотечественников на родину¹⁸; латвийские представители (агенты), в сфере деятельности которых находились сбор информации о латышах, прием документов на вступление в гражданство и организацию их возвращения в Латвию, работали в разных региональных центрах Советской России и других советских республик, иногда в координации с представителями (консульскими агентами) других балтийских республик¹⁹. При этом, как подчеркивают исследователи, уже в ходе Гражданской войны на территории России возникали национальные общества и национальные комитеты, которые возглавляли, как правило, представители национальной интеллигенции. И. Ю. Трушкова в качестве примера приводит деятельность эстонских обществ, которые к 1920 г., по настоянию правительства Эстонии, по сути, получили права консульств²⁰. Такие общества-консульства послужили основой для агитационной кампании за выезд в Эстонию. Это касалось и латышей — интерес к возвращению на родину особенно возрос сразу после заключения договора и начала агитации. Одновременно большое влияние имела советская пропаганда, призывавшая оставаться в Советской России, которая проводилась силами местных национальных коммунистических ячеек. Латыши, которые изначально не были безоговорочно настроены на возвращение (у многих были уже русские жены и дети, не стремившиеся ехать в неизвестность, кто-то завел свое хозяйство, кто-то собирался получить в Советской России бесплатное образование и т. п.) и только размышляли о плюсах и минусах оптации, оказались под агитацией с двух сторон. Латышские большевики стремились агитировать земляков оставаться в России, чтобы вместе строить социалистическое будущее²¹.

Потенциальные оптанты должны были доказать, что они эвакуировались именно с территории Латвийской Республики (не у всех могли оказаться соответствующие документы), что им было куда возвращаться (оставалось свое жилье или были родственники, у которых можно было поселиться). Кроме того, они должны были быть политически лояльны Латвийской Республике — не могли вернуться командиры Красной армии, партийные функционеры, другие заметные деятели советской власти. Проще было вернуться тем специалистам (ученым, преподавателям, инженерам и т. п.), в которых Латвия особенно нуждалась и которые возвращались по приглашению латвийских властей.

Репатрианты, желавшие вернуться в Советскую Россию, также сталкивались с особой спецификой: политической фильтрацией, агитацией, контролем со стороны ВЧК, подозрениями в шпионаже и т. п.²² Проблема оптации и реэвакуации на практике решалась сложно и долго с обеих сторон. Вопросы

и взаимные претензии, возникавшие в ходе обмена беженцами летом 1920 г., усложняли ход переговоров, и периодически «всплывали» и после заключения основного мирного договора.

Организация пропускных пунктов и условия выезда беженцев

В период, когда еще шли мирные переговоры между Россией и Латвией, проблема возвращения беженцев на родину стояла весьма остро и не могла не влиять на ход переговоров. Материалы российских архивов освещают проблему того, как процедура возвращения на родину беженцев с бывших территорий Российской империи, ныне стремившихся к построению национальных государств, решалась в РСФСР.

Для реэвакуации беженцев из Латвии и Литвы была издана специальная инструкция Центрэвака²³, которую председатель и член Коллегии НКВД А. Эйдук предписывал распространять устно для ответственных должностных лиц²⁴. Все возвращающиеся на родину латыши и литовцы должны зарегистрироваться в местных органах Центрэвака, для чего требовались паспорт, беженская книжка бывшего Татьянанина комитета, Земского союза или других аналогичных органов, удостоверение о выселении по приказу военных или гражданских властей, регистрационная карточка национальных отделов Наркомнаца и «подобные документальные доказательства». Как можно видеть, перечень немалый, и, безусловно, в случае утери одного или нескольких документов (а в период войны и хаоса это явление вполне естественное), желающий вернуться на родину литовец или латыш сталкивался с серьезным препятствием, ведь «как доказательства беженства никакие удостоверения о том различных учреждений и свидетельства отдельных лиц» не принимались²⁵. Задача формирования «контингента» возлагалась на губэваки, строго воспрещалось перемещение беженцев самостоятельно или отдельными малыми группами — как внутри губерний, так и к границам.

Сразу после заключения соглашения 12 июня 1920 г. перед сторонами встала необходимость организации пограничных пунктов обмена беженцами. Советская сторона, вопреки расхожим заявлениям латвийской прессы о том, что «латвийский воин дошел до своих этнографических границ и дальше не идет»²⁶, настаивала: в установленных пунктах обмена беженцами (таковым была, например, станция Жогово в Псковской области), несмотря на заключенный 12 июня договор, не прекращаются боевые действия со стороны латвийской армии — инерция войны еще не остановлена²⁷. В оперативных военных сводках от 26–27 июня говорилось, что наступление противника на этом участке «имеет заранее подготовленный план и осведомительный характер»²⁸. В ходе особого совещания от 28 июня 1920 г., участие в котором приняли командование

17-го стрелкового полка, представители Петроэвака по Псковской губернии и Псковского пограничного отделения Особого отдела 7-й армии, констатировалось: продолжающиеся военные действия не дают возможности начать реализацию договора об обмене беженцами, а только «ознакомление с местностью» ввиду ожидаемых в скором времени эшелонов с беженцами²⁹. Проблема открытия пропускного пункта была решена почти месяц спустя после заключения договора — совместным актом представителей РСФСР и латвийского командования с 11 июля 1920 г. «решили открыть пропуск эшелонов с беженцами... когда имеет проследовать через Жогово... первый эшелон»³⁰. Подобные донесения отражают усилия по стабилизации ситуации в прифронтовых зонах, которые осуществлялись с обеих сторон. Практическая реализация пропуска эшелонов с беженцами зависела от конкретных условий, а задержки и проволочки сказывались на ходе мирных переговоров — обе стороны использовали их для оказания политического давления. Так, представитель латвийской мирной делегации Я. Весманис в ноте от 3 июля подчеркивал, что советская сторона приступила к отправке беженцев 1 июля, т. е. почти через три недели после заключения договора о реэвакуации беженцев³¹. Этот упрек стал только прологом к более серьезным обвинениям с латвийской стороны: Весманис подчеркивал избирательную политику Центрэвака, представители которого «по своему усмотрению вычеркивали лиц, уже внесенных в списки беженцев, подлежащих отправлению с первым эшелоном»³². Он указывал на отрывочность сведений у латвийской делегации о судьбе латышей, желающих вернуться на родину, и высказывал опасения за участь «наших беженцев в провинции».

Неразбериха и хаос, творившиеся при формировании списков и эшелонов, являлись следствием войны и революции. В. Шалда подчеркивает, что возвращение беженцев на родину тормозила несогласованность, медлительность работы советских учреждений³³. Но нельзя не принимать в расчет и вполне конкретную политику Советской России, направленную на то, чтобы задерживать на местах квалифицированных рабочих, специалистов и людей призывного возраста. В упомянутой выше инструкции Эйдука прямо говорилось, что следует, «соблюдая основные принципы договоров, устанавливать очередь на отправку беженцев *в интересах Советской России*»³⁴. Советские власти и латышские коммунисты старались не допустить оттока квалифицированных специалистов и научно-технической интеллигенции, каковыми в массе своей были латыши. «Ответственным по реэвакуации лицом беженцам неоднократно заявлялось, что все лица призывного возраста, квалифицированные рабочие и специалисты будут задержаны по возможности дольше»³⁵, — подчеркивал латвийский посланник Я. Весманис.

В ноте от 13 декабря 1920 г., адресованной наркому иностранных дел Г. В. Чичерину, Весманис также в подтверждение этого приводил выдержку из постановления Оренбурго-Тургайского губисполкома: «Все Советские учреждения и должностные лица, на службе у коих находятся беженцы Латвии

и являются таковые незаменимыми работниками, снятие которых может отразиться на ходе работ всего учреждения, обязаны заблаговременно войти с ходатайством в Губэвак об оставлении их на местах до подыскания заместителей. Состоящие же на службе в учреждениях, обществах, кооперативах и т. п. должны представить от того учреждения удостоверение о том, что с их стороны к выезду препятствий не встречается. Не представившие таковых ни эвакуированы, ни даже включены в список на эвакуацию не будут». Таким образом, подчеркивал Весманис, постановления губэваков противоречат духу договора 11 августа 1920 г.³⁶ Не исключено, что именно в связи с заявлениями Весманиса один из руководителей латышских большевистских организаций в России П. Вискне в декабре 1920 г. утверждал, что Советская Россия не заинтересована насильственно задерживать беженцев³⁷. Как подчеркивает В. Шалда, латышский коммунист легко оперировал цифрами в доказательство своей правоты: эшелонов с латбеженцами отправлялось действительно немало (на момент своего заявления он указал, что уже более 1 тыс. человек уехали), но ни слова не говорилось о тех, чей отъезд откладывался в силу различных причин, в том числе о желании советских властей оставить специалистов, рабочих и лиц, пригодных для обмена на арестованных в Латвии коммунистов³⁸.

Характерным примером могут служить также решения, принятые на заседании правления артиллерийских заводов от 5 октября 1920 г. Постановили «запросить Наркоминдел, можно ли задерживать лиц технического персонала и других иностранных подданных, имеющих соприкосновение с производственными программами и самим производством военных заводов до окончания войны в пределах республики, в случае возбуждения ими ходатайства об отъезде на родину, чем руководствоваться и каким порядком производить подобное задержание»³⁹. В ответе НКВД наряду с указанием на то, что тех желающих выехать, которые уже получили документы на руки, задерживать нельзя, так как это стало бы нарушением беженской конвенции, содержалась прозрачная инструкция: удержание таких лиц можно осуществлять «в силу принятых Центрэваком и его местными органами мер технического характера»⁴⁰.

Членам партии советовали не уезжать под угрозой исключения⁴¹; те, кто уже подал заявления на оптацию и отъезд, увольнялись с работы до отъезда, который мог быть очень нескоро⁴², и т. п. Иногда условием репатриации специалистов советские власти ставили обмен их на тех латышей, которые сами хотели уехать в Советскую Россию или кого высылали власти Латвии (например, коммунистов)⁴³.

Ситуацию на местах отражает отношение Управления Виндавской железной дороги в Центрэвак (15 сентября 1920 г.), в котором говорилось о том, что действия уездных эвакуационных комиссий в отношении желающих вернуться на родину «граждан окраинных государств» противоречат как порядку увольнения со службы на железной дороге, так и логике вещей: для зачисления в беженские эшелоны от заявителей требуют «удостоверение об увольнении

со службы на дороге»⁴⁴. Между тем, в этом отношении справедливо отмечалось: с момента регистрации в центре эвакуации до момента отправления человека с эшелонам «устанавливается обычно довольно продолжительный период времени до года и более», поэтому и увольнять человека сразу же нецелесообразно, особенно принимая во внимание недостаток в рабочей силе.

При этом интересы центра по удержанию специалистов, которые исходили из соображений «кого без ущерба можно уволить», не всегда соотносились с реальной ситуацией в губерниях. Примером может служить обращение начальника губэвака Тюменской губернии А. Табакова в Центрэвак (август 1921 г.), в котором содержалась просьба содействовать как можно скорейшему увольнению со службы литовцев и латышей, чтобы они могли наконец выехать на родину⁴⁵. При этом он подчеркивал: Тюменская губерния переживает кризис, не хватает продовольствия в первую очередь для населения, а о проходящих мимо беженских эшелонах и местных беженцах и речи идти не может, «беженцы из деревень бегут и скопляются в городах, <...> требуют с угрозами и со слезами отправки на родину» и если их не отправить до зимы, «будет скверно, ибо 75% беженцев раздеты и разуты»⁴⁶. Таким образом цель задержать специалистов (в данном случае — железнодорожной отрасли) не всегда соотносилась с реальными возможностями.

Заметим, что в это же время издавались указания для относительно «благополучных по голоду» регионов: 13 августа 1921 г. в «Известиях ВЦИК»⁴⁷ была помещена телеграмма Г. В. Чичерина представителям в Польше, Литве, Латвии и Эстонии от 1 августа по вопросу реэвакуации беженцев, оптантов и военнопленных, в которой предлагалось сократить до минимума или совсем приостановить эвакуацию беженцев из мест, «не так сильно затронутых голодом», и «довести до максимума» реэвакуацию из мест, пораженных голодом⁴⁸.

Беженцы сталкивались с различными административными препятствиями. Например, это касалось тех, кто собирался выехать в Латвию, имея статус беженца, но не являясь латышом по национальности. Такие внезапно возникшие препоны затронули группу беженцев из Ярославля, которые зарегистрировались в губэваке как поляки, но подали документы на выезд в Латвию (апрель 1921 г.).

Как доносил начальник губэвака в административный отдел Центрэвака, «так как при отправке первых эшелонов в Латвию не было получено распоряжения о неотправке беженцев польской национальности, то многие из семейников, подавших это заявление, уехали, а остальные члены семьи не могли выехать. Большинство из назвавших свою национальность польской, сами по себе являются постоянными жителями Латвии, часто в числе нескольких поколений, и национальность свою польской считали главным образом по римско-католическому вероисповеданию. Положение этих беженцев из Латвии польской национальности действительно тяжелое, особенно в семьях, которые разделились при эвакуации, и губэвак с своей стороны ходатайствует о разрешении им выехать на родину с первым эшелонам, который пойдет в Латвию»⁴⁹.

Вопрос о том, что из России выезд беженцев на родину в Латвию затруднен, поднимался в Латвии еще в начале мирной конференции, до заключения договора о реэвакуации. Особое внимание обращали на то, что задерживают специалистов, которых «не выпускают советские учреждения»⁵⁰. В июле 1920 г. председатель латвийской делегации Я. Весманис подал официальный протест по поводу того, что текст договора о реэвакуации беженцев был опубликован в латвийской прессе, но не в советской, «поэтому советские власти на просьбы беженцев об увольнении отделяются заявлениями, что им ничего не известно». Еще одна нота Весманиса (от 9 июля 1920 г.) содержала протест против действий советских властей в отношении следующих в Латвию беженцев в Великих Луках: часть выезжающих задержали, мужчин посадили в тюрьмы, женщин и детей разместили в бараках⁵¹.

В латвийской прессе, как и в обмене нотами, также сообщалось, что особенные затруднения с выездом из Советской России испытывали квалифицированные рабочие и специалисты, желавшие оптировать латвийское гражданство: «Весман просит Иоффе, чтобы необоснованно вычеркнутые из списков беженцев люди были восстановлены в списках»⁵².

Особые условия предусматривались для военнослужащих. Как подчеркивалось в инструкции по реэвакуации беженцев Латвии и Литвы, «беженцы, состоящие на службе в Красной Армии, не подлежат даже регистрации (в Центрэваке. — Ю. М.) и могут быть зарегистрированы лишь по увольнению из Красной Армии»⁵³. Военнообязанные («беженцы мужчины призывного возраста 18–40 лет, не освобожденные от военной службы по состоянию здоровья»), равно как и рабочие и служащие промышленных предприятий и учреждений не входили в первую очередь реэвакуации, либо от них требовались дополнительные доказательства того, что их надо отправить в первую очередь (например, предоставить письменное доказательство, что в Латвии или Литве находятся их близкие родственники)⁵⁴. Неполучение увольнения со службы, даже если процесс оптации был пройден, также могло служить препятствием к включению в списки уходящих эшелонов⁵⁵.

Увольнялись с военной службы лица, закончившие процесс оптации, в случае если они не давали подписки о добровольной службе⁵⁶. После для них начиналась процедура регистрации в Центрэваке и получение соответствующего удостоверения. Военнослужащим это удостоверение выдавалось на руки под расписку, и это давало право снятия с учета в военкоматах. Военнообязанные подавали документы в Центрэвак на общих основаниях, после включения их в эшелонные списки они также получали удостоверение, которое служило основанием для снятия с учета в местных военкоматах⁵⁷. Отсутствие такого удостоверения могло служить поводом для «снятия с эшелонов», что и происходило нередко на границе, в пропускных пунктах. Практика задержания выезжающих и «пересоставления» списков была вполне распространена — это могло коснуться «исключения бездокументных» лиц, проводилось и в случае, если

в крупных населенных пунктах, в том числе в Петрограде, эшелон с беженцами задерживали по причине того, что списки едущих были составлены не по правилам, в них встречались дописанные от руки фамилии и т. п.⁵⁸ Военнослужащих вообще отпускали неохотно — так, примером может служить нота МИД Латвии в полпредство РСФСР от 21 декабря 1920 г., в которой латвийские власти подчеркивали: многим латышам, призванным в Красную армию, отказывают в демобилизации на основании того, что они не могут подтвердить свое право на латвийское гражданство и, таким образом, удерживают их в России⁵⁹.

Показательны также случаи, когда имеющие право на беженский статус латыши не могли выехать из России, подпав под преследования за дезертирство, невступление в ряды Красной армии. Договор о реэвакуации беженцев 12 июня в этом смысле спровоцировал целый ряд заявлений от латвийских граждан, находившихся в тюрьмах или испытывавших иные препятствия к выезду, — теперь люди получили возможность ссылаться на конкретный законодательный акт, регулирующий их право вернуться домой. Так, например, 30 июня 1920 г. в Петербургский комитет по делам пленных и беженцев обращался Г. Я. Крумин⁶⁰, который жаловался на то, что в феврале 1920 г. получил три года тюрьмы за дезертирство и находится в настоящее время в тяжелых условиях в Петроградском исправительном доме⁶¹. Комиссия по борьбе с дезертирством при этом изъяла у него все документы, подтверждающие его право на реэвакуацию и доказывающие, что он в 1915 г. покинул Курляндскую губернию из-за военных действий. В резолюции Эйдука на донесении с информацией о заявлении Крумина говорилось, что возвращение таких лиц на родину производится в порядке *обмена* беженцами и «дело особой срочности не представляет» — это при том, что заключенный жаловался на начавшуюся цингу из-за скудного питания и другие обострившиеся болезни⁶².

В свою очередь реэвакуация и оптация советского гражданства власти волновала не меньше, в том числе и с точки зрения проблемы контрреволюции. Советская Россия в течение зимы — лета 1920 г. готовила ряд договоров с лимитрофами — бывшими частями Российской империи, которые выбрали иной политический путь, где не смогла закрепиться советская власть, что, безусловно, сказывалось на отношении советской стороны. В докладах о ходе мирных переговоров особое внимание уделялось «белогвардейскому» элементу в Латвии, подчеркивалось, что «бывшие офицеры высших чинов Колчаковской, Деникинской и Юденичской армии» чувствуют себя в Латвии свободно и открыто «ругают советскую власть»⁶³. В одном из донесений полпреда Я. С. Ганецкого Чичерину от 14 октября 1920 г. были представлены результаты беседы с З. А. Мейеровицем, а также говорилось о необходимости «расправиться с нежелательным элементом» на пограничных территориях и о «производимой в Латвии вербовке в армию Врангеля»⁶⁴. Представление о Латвии как о «белой» территории определяло отношение советского руководства к едущим оттуда в Советскую Россию. Как подчеркивает О. С. Нагорная, такое же отноше-

ние со стороны советских властей было и к Польше: в апреле 1921 г. советская сторона обвинила Польшу в намеренной отправке в Россию под видом военнопленных бывших солдат армии Врангеля и «агентов» Б. Савинкова и С. Булак-Балаховича⁶⁵. Таким образом, прием беженцев и военнопленных Советской Россией воспринимался не только и не столько как возвращение людей на родину, а как решение боевой и политической задачи по отсеиванию «контрреволюционных» элементов.

Опасения со стороны советского руководства, что оптировать советское гражданство смогут «белогвардейцы», сказалось на процессе возвращения беженцев. Так, например, в одном из донесений председателя Центрэвака Эйдука говорилось о необходимости жесткого контроля над ходом реэвакуации беженцев и русских граждан из Латвии и об избирательной политике латвийских властей в этом вопросе: латвийских коммунистов, желающих оптировать советское гражданство, не выпускают, и, наоборот, готовят «подарок» в виде белогвардейского элемента: «Ввиду того, что Латвийское правительство принципиально чинит препятствия желающим выехать из Латвии к нам гражданам латышской национальности, ясно, что громадный процент предполагаемого нам подарка со стороны белой гвардии Латвии составляет элемент, явно нам враждебный, оставивший пределы Республики во время гражданской войны»⁶⁶. Одновременно латвийскому правительству советским полпредством предъявлялись ноты, в которых говорилось о расстрелах коммунистов в Латвии, причем даже тех, кто уже был включен в списки отправки в Россию. Характер таких претензий с советской стороны отражает одна из нот полпреда РСФСР в Латвии Я. С. Ганецкого министру иностранных дел Латвии от 25 ноября 1920 г.: «Граждане, которые... должны быть немедленно отправлены в Россию, томятся в тюрьмах, присуждаются к смертной казни и подвергаются опасности быть расстрелянными»⁶⁷. К этому моменту главным законодательным документом, регламентирующим процесс реэвакуации и оптации, был текст договора 11 августа 1920 г., и поэтому советский полпред апеллировал к ст. 20, которая определяла порядок освобождения оптирующих «от наказаний по всем политическим и дисциплинарным делам».

С латвийской стороны также возникали вопросы и претензии по поводу национальной и социальной принадлежности выезжающих из России в Латвию. И если советская сторона отталкивалась в вопросе приема беженцев от классового подхода и стремилась препятствовать проникновению на территорию Советской России враждебного «белого» и «буржуазного» элемента, то латвийские власти уделяли внимание тому, чтобы в Латвию в первую очередь выезжали латыши. Так, еще до заключения договора о реэвакуации, в январе 1920 г. А. Зебергс, представитель Коллегии Пленбежа⁶⁸, сообщал в МИД Латвии о том, что большевики, высылая из Москвы большую партию заложников, намереваются наряду с эстонцами и латышами, выслать также и евреев⁶⁹. Зебергс подчеркивал, что «евреи по большей части спекулянты», «везут с собой

довольно крупные денежные суммы», и чтобы «ненужный элемент в Латвию не пустить», представил в свой МИД список из 51 человека. Одновременно он переслал списки немцев, поляков, русских и латышей, и просил инструкций, «кого из указанных... нежелательно впустить в Латвию»⁷⁰.

В ноте Я. Весманиса в полпредство РСФСР на имя Я. С. Ганецкого от 8 ноября 1920 г. также выражалось неудовольствие принципами формирования беженских эшелонов: «Практика Советских учреждений при выполнении заключенных с Латвией договоров доказывает однако явное пренебрежение указанным принципам, ибо, невзирая на неоднократные заявления Уполномоченного Латвийского Правительства по реэвакуации беженцев, беженские эшелоны составляются с таким расчетом, чтобы в них получалось подавляющее преобладание лиц нелатышского происхождения, в то время как отъезд латышских служащих и рабочих обставляется всевозможными формальностями и препятствиями, делающими осуществление их прав почти невозможным. <...> При следовании моем в Россию мною на Латвийской границе был встречен эшелон беженцев из Харькова, состоящий по меньшей мере на 90 % из нелатышей, главным образом евреев. Когда же Харьковские рабочие латыши обращаются в местные учреждения с ходатайством о предоставлении им возможности отъезда на родину, то им обычно отвечают, что между Украиной и Латвией никакого соглашения на этот счет не существует. Указанный случай с Харьковским эшелоном не является единичным; как мне докладывает уполномоченный по реэвакуации беженцев, отправление эшелонов подобного состава в Латвию обычное явление»⁷¹. В связи с этим было выражено требование: поскольку в Латвию высылают не только латышей, то списки отсылаемых должны составляться таким образом, чтобы в каждом было не более 10 % нелатышей: «Более указанной нормы Латвийское Правительство принимать не считает возможным, дабы не вызвать вполне естественного возмущения среди большинства народа Латвии»⁷².

Такой непопулярный подход к «отбору» беженцев советские власти не могли не отметить. Заместитель наркома иностранных дел Л. Карахан сделал пометку на ноте Весманиса: «Примите меры к тому, что[бы] этот документ, исходящий от Демократической Республики и восстанавливающий процентную норму, сделался широко известным в Латвии»⁷³. Одновременно и в советской прессе выходили статьи, обвинявшие правительство Латвийской Республики в практике «сортировки» беженцев: «Представители Латвии... вычеркивают из своих списковдвигающихся из голодных мест евреев, несмотря на то что эти евреи имеют все законные права на репатриацию»⁷⁴.

Впоследствии одним из рычагов давления на латвийскую сторону стало намерение Центрэвака, выраженное в отношении от 6 августа 1921 г., приостановить реэвакуацию беженцев в Латвию на том основании, что латвийский уполномоченный по делам беженцев «дает разрешение на въезд в Латвию не всем желающим... и внесенным Центрэваком в списки»⁷⁵. Министр иностранных дел

Латвии З. А. Мейеровиц в ноте Г. В. Чичерину от 25 августа 1921 г. вынужден был по этому поводу опровергать обвинения в дискриминации евреев: «Что же касается Вашего утверждения, что нашими представителями не даются разрешения на въезд в Латвию беженцам-евреям, то я считаю долгом заявить, что таковое является совершенно необоснованным, так как наши представители при проверке и визе составленных Центрэваком списков беженцев руководствуются исключительно достаточностью и правильностью представленных документов, но отнюдь не принадлежностью возвращающихся в Латвию беженцев к той или другой национальности»⁷⁶.

Условия следования беженцев и порядок вывоза имущества

Власти России и Латвии столкнулись с необходимостью организации перемещения беженцев уже в период ведения мирных переговоров. Процесс реэвакуации продолжался несколько лет. Согласно договорам 12 июня и 11 августа, реэвакуация до границы осуществлялась за счет государства, по территории которого следовали беженские эшелоны. В Латвии формировали составы, на которых в Россию уезжали желающие покинуть страну, а в России их заполняли латвийскими (как латышами, так и представителями других национальностей) репатриантами. Позже выезжающие сами должны были нести все расходы на переезд.

Беженские эшелоны формировались на местах, по маршруту следования в них добавлялись новые группы людей. В зависимости от того, откуда следовал эшелон, он мог прибыть в один из центральных пунктов, или проследовать, не заходя в Москву или Петроград. Согласно отчетам губэваков, беженцев снабжали продовольствием⁷⁷ (сухим пайком) на несколько дней, в пунктах больших остановок и пограничных пунктах (Себеж, Великие Луки) им выдавали и горячее питание⁷⁸, на малых остановках эшелоны, как правило, не обслуживали. При этом нередко были и случаи, когда выданное продовольствие было крайне скудным. Так, в докладе гомельского губэвака о следовании эшелона с латышами из Гомеля в Латвию говорилось, что «за отсутствием продуктов Себежским Уэваком было выдано только по $\frac{1}{4}$ ф. хлеба на один день на весь эшелон»⁷⁹. В других случаях в отчетах, предоставляемых в Центрэвак, сопровождавшие эшелоны жаловались, что на местах, в пунктах следования «при получении продовольствия наблюдалась полнейшая халатность служащих... вместо того, чтобы ускорить выдачу продовольствия, они медлили... вследствие чего пришлось задержать поезд на более продолжительное время»⁸⁰.

Даже согласно формальным отчетам, которые не всегда могли содержать достоверную или исчерпывающую информацию о том, в каких условиях ехали люди, видно, что в пути беженцы болели, нередко были и смертные

случаи (особое внимание властей приковывали эпизоды, когда у следовавших обнаруживались симптомы заразных болезней, например сыпного тифа⁸¹). Местные губернские власти, задействованные в формировании беженских составов, по-разному подходили к решению вопроса о медобслуживании: иногда формируемые эшелоны снабжались медикаментами и медицинским персоналом (так называемый сопровождающий медперсонал)⁸², в иных случаях власти полагались на то, что в среде беженцев находились врачи, которые могли оказать помощь заболевшим⁸³. Губэваки по пути следования могли снабжать эшелоны недостающими медикаментами⁸⁴, но, судя по всему, такие возможности были ограничены и не в каждом пункте это делалось.

Вопрос о вывозе имущества также был одним из спорных для договаривающихся сторон. Латвийская сторона подняла обсуждение этой проблемы даже до того, как был заключен договор о реэвакуации беженцев. В ноте Я. Весманиса от 1 июня 1920 г. говорилось, что советская сторона в преддверии заключения мирного договора по-своему стремится решить вопрос об имуществе латвийских граждан в России — «началось усиленное отнятие имущества у латвийцев с явной целью закончить этот процесс экспроприации до вступления в силу мирного договора»⁸⁵. В пример приводились конкретные случаи муниципализации собственности латышей в Москве и Омске, вывезенной из Риги в период Первой мировой войны.

В ноте от 3 июля, когда процесс возвращения беженцев уже был развернут, Весманис подчеркивал: «При самой отправке создаются такие условия, которые просто должны отпугивать более инертных беженцев от всякой попытки попасть на родину». Это касалось досмотра личных вещей: «...в Москве при проверке вывозимых книг, нот и фотографических снимков происходят невероятные вещи: все книги и ноты вырываются из переплетов, фотографии сдираются с картонов и выдаются беженцам в запечатываемых в их отсутствие пакетах, так что беженцы даже не имеют возможности проверить, что у них конфисковано и что пропущено»⁸⁶.

С одной стороны, такая практика не могла не вызвать возмущения у репатриантов и латвийских властей, с другой — она была прописана в договоре 12 июня, который предусматривал запрет на вывоз печатной продукции, документов, фотографий и пр. без «досмотра соответствующими учреждениями»⁸⁷. Согласно этому же договору, был запрещен вывоз из России машин и механизмов (ст. 3 п. 10). Протесты репатриантов, у которых отбирали такого рода имущество, отражены в отчетах губэваков⁸⁸. При этом в некоторых случаях обращения латвийской делегации к советской стороне удовлетворялись, и «имущество возвращалось через Миссию владельцам»⁸⁹.

Советская сторона также предъявляла претензии по вопросу о том, что «заложники, едущие из Латвии, не получают возможности забрать с собой свои вещи, разрешенные к вывозу по законам выдающей стороны, а также и деньги»⁹⁰, и обвиняла Латвию в несоблюдении договора о реэвакуации.

За процессом реэвакуации из Латвии в Россию следило в том числе и советское полпредство, в донесениях которого в НКВД содержалась информация, что латвийское правительство не идет навстречу российским репатриантам, ходатайствующим о возвращении отобранного у них имущества⁹¹. Одновременно латвийские власти проводили конфискацию имущества и тех граждан, которые через территорию Латвии следовали в Россию (например, из Америки)⁹².

Проблема реэвакуации заключенных

Одним из острых моментов, затруднявших как ход российско-латвийских мирных переговоров, так и последующие отношения между двумя странами, был вопрос о взаимных претензиях по вопросам заложников, арестованных, содержащихся в тюрьмах в Латвии и в России, условий их содержания и несвобождения.

Нередко под удар попадали латыши, находившиеся на территории Советской России, и становившиеся заложниками только за национальность. Так, например, в августе 1920 г. к Г. В. Чичерину обратилась группа латышей, которая была выслана из Саратова в Москву, где и задержана (четверо из 28 были отправлены в Андрониевский лагерь). «Все мы, как люди жившие своим личным трудом и политически как рабочие стоящие на страже рабочих интересов пошли на допрос (в ВЧК. — Ю.М.) будучи уверены, что мы все будем освобождены от “почета” латвийских заложников»⁹³, — говорилось в заявлении. По поводу этого заявления ВЧК отчитывался перед Западным отделом НКВД: после получения обращения всех саратовских латышей, следовавших на родину, из категории заложников перевели в категорию беженцев и эвакуировали. Однако четверых, за которых просили товарищи, так и не отпустили — они были задержаны «по распоряжению Секретного Отдела ВЧК» и дальнейшая судьба их осталась невыясненной⁹⁴.

Значительное количество латышей в этот период содержались в Андрониевском лагере, организованном после закрытия Спасо-Андроникова монастыря, — одном из лагерей ВЧК для офицеров и политических противников большевиков, где также находились заложники и военнопленные. Среди мест заключения латышей в Москве фигурировала и Бутырская тюрьма. Несколько нот, представленных миссией Латвии в Москве в НКВД РСФСР, отражают усилия, которые прикладывала латвийская сторона для освобождения своих граждан. Это прежде всего требование предоставить представителям латвийской миссии право посещать места заключения (нота от 12 ноября 1920 г.), а также требование применять к заключенным латышам условия мирного договора, т.е. признать за ними право на оптацию (нота от 3 декабря 1920 г.)⁹⁵. Речь, как правило, шла о конкретных людях, сведения, которыми располагала латвийская миссия, не всегда были полны и точны, и поэтому вопрос о доступе к своим соотечественникам в российских тюрьмах стоял очень остро.

Я. Весманис в ноябре 1920 г. в связи с ростом числа обращений от латышей, находившихся в российских тюрьмах, просил предоставить соответствующее право представителям латвийской миссии: «Чтобы иметь возможность судить о правах просителей на латвийское гражданство, прошу Народный Комиссариат по Иностранным Делах не отказать в распоряжении выдать подателю сего, чиновнику особых поручений при Латвийской Миссии в России Эдуарду Теннисовичу Бондеру, разрешение на право посещения им мест заключения, с тем чтобы иметь возможность путем опросов заключенных собрать все данные, относящиеся к выяснению латвийского гражданства просителей»⁹⁶.

Как подчеркивал поверенный в делах Латвии в России в своем обращении к заместителю наркома иностранных дел Я. Х. Давтяну, условия содержания латышей (как и других заключенных) подчас были столь тяжелы, что даже если на них и распространялось действие договора, процесс оптации занимал немало времени, и те, кто подлежал отправке, могли не дожить до принятия соответствующего решения⁹⁷. Весманис по этому поводу писал: «Цель таких приемов очевидна: довести и без того замученных людей до последнего предела отчаяния»⁹⁸. Советская сторона вынуждена была реагировать и предоставлять ответы, содержавшие обещания «внеочередного рассмотрения» списков лиц, подлежащих отправке в Латвию⁹⁹.

Похожие претензии в отношении русских в местах заключения в Латвии выдвигала и советская сторона: ст. 20¹⁰⁰ мирного договора не соблюдается, те, кто должны быть немедленно отправлены в Россию, не выпускаются на родину¹⁰¹. Факты удержания русских военнопленных в Латвии после заключения договора 11 августа, которыми располагала советская сторона, служили поводом для предъявления претензий латвийскому правительству, обвинений в несоблюдении договора. Использовались и другие способы давления: так, уполномоченный по делам беженцев в Латвии Р. А. Пельше обращался 3 октября 1920 г. в НКВД с просьбой усилить штат лиц, занимавшихся составлением списков выезжающих из Латвии в Советскую Россию, — «прислать шесть работников для Либавы, Двинска, Режицы» и одновременно подчеркивал: недостаток персонала не дает возможности оперативно решать дела на местах, в том числе брать на контроль дела о расстрелах тех, кого советская сторона хотела принять¹⁰². «Пока здесь не выяснил вопроса о расстрелах нами затребованных, *не отправляйте крупных латзаложников, но побольше мелких*», — писал Пельше.

Обе стороны в качестве законодательной основы защиты своих интересов в вопросе о заключенных отталкивались от 20-й статьи советско-латвийского мирного договора, в соответствии с которой правительства с обеих сторон должны были освободить потенциальных оптантов из мест заключения и освободить от «наказаний по всем политическим и дисциплинарным делам». Исключение было сделано только для тех, кто желал оптировать российское гражданство, но при этом был замешан в заговоре 16 апреля 1919 г.¹⁰³ или в на-

ступлении Бермондт-Авалова¹⁰⁴. Формально власти России и Латвии не должны были задерживать людей, чьи преступления или административные нарушения были совершены до подписания договора, производство по таким делам надо было прекратить, однако на практике это не всегда соблюдалось, что отражено в содержании предъявлявшихся с обеих сторон претензий.

Реэвакуация продолжалась до 1925–1927 гг., хотя основная часть желающих вернуться уехала в Латвию уже до 1923 г. По подсчетам исследователей, в 1920–1925 гг. в Латвию вернулось около 220 тыс. реэмигрантов. Примерно столько же латышей осталось в советских республиках, в основном в РСФСР. Анализируя политику большевиков по отношению к беженцам, исследователи нередко подчеркивают: недостаток опыта, неподготовленность государственных институтов к эвакуации, нежелание учитывать интересы беженцев и их нужды превратили практику реэвакуации в подобие гуманитарной катастрофы¹⁰⁵. В то же время и с латвийской стороны предпринимались шаги, направленные на фильтрацию тех, кто стремился въехать в страну, на удержание заложников и расправу с местными коммунистами.

Большая масса людей — русские, латыши, поляки, евреи — приобрели опыт оптации и реэвакуации, опыт преодоления бюрократических заслонов, опыт общения с двумя складывавшимися политическими системами — советской и буржуазно-демократической. Нередко это становилось причиной изменения политических взглядов: сочувствовавшие идеалам социал-демократии латыши соприкоснулись на деле с большевистской системой, иллюзии, сложившиеся у возвращавшихся в Советскую Россию, разбивались от столкновения с голодом и разрухой.

Вместе с тем практика реэвакуации и оптации явилась следствием мирного договора между Советской Россией и Латвийской Республикой, который имел большое значение для международного признания Латвии и укрепления позиций РСФСР. Дальнейшее изучение перечисленных и других аспектов позволит не только точнее оценить значение советско-латвийского мирного договора, вписать его в контекст процесса образования государств-лимитрофов, но и проследить механизмы выработки общих решений, направленных на ликвидацию последствий войны в регионе, а также формирование нового вектора внешней политики Советского государства.

¹ Так, например, некоторые статьи договора оцениваются некоторыми российскими историками как проявление «беспрецедентного либерализма советского государства, которое пошло на удовлетворение всех требований молодого, но проявляющего непомерные амбиции латвийского государства». Имеется в виду прежде всего уплата Россией Латвии ранее оговоренного в договоре срока 4 млн рублей золотом (конец декабря 1920 г.), право

- Латвии требовать возврата российского государственного имущества, вывезенного с территории Латвии после 1 августа 1914 г., обязательство со стороны России вернуть имущество целого ряда общественных, учебных, правительственных и прочих учреждений. См., например: *Белковец Л. П., Шумская К. В.* 1) Мирный договор между Россией и Латвией 1920 г. в контексте российско-германского противостояния // *Политика и общество*. 2012. № 11 (95). С. 134–143; 2) Российско-латвийские отношения первого периода независимости Латвии в контексте восточной политики Германии // *Социодинамика*. 2013. № 4. С. 136–184. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.4.489. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=489 (дата обращения 02.11.2021).
- ² См.: *Нагорная О. С.* «Эвакуация в том виде, в котором она существует, губительна для военнопленных и опасна для государства»: Советская практика репатриации русских военнопленных первой мировой войны // *Вестник ЧелГУ*. 2008. № 15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evakuatsiya-v-tom-vidе-v-kotorom-ona-suschestvuet-gubitelna-dlya-voennoplennyh-i-opasna-dlya-gosudarstva-sovetskaya-praktika-repatriatsii> (дата обращения 05.08.2021).
 - ³ См.: *Шалда В.* Латышские беженцы в России и революция 1915–1921 гг. // *Россия и Балтия*. Вып. 2. Эпоха перемен / Отв. ред. А. О. Чубарьян, ред.-сост. Е. Л. Назарова. М., 2002. С. 60–87; *Бартеле Т., Шалда В.* Латышские беженцы в России в годы Гражданской войны // *Отечественная история*. 2000. № 1. С. 18–31; *Beika A.* Latvijas pavalstniecības ortēšanas problēmas Sibīrijā 20. gs. 20. gadu sākumā // *Latvijas Arhīvi*. 1994. No. 4. 26–31. lpp.
 - ⁴ Договор между Россией и Латвией о реэвакуации беженцев 12 июня 1920 г. // *Документы внешней политики СССР*. Т. 2. М., 1958. С. 569–572.
 - ⁵ Мирный договор между Россией и Латвией 11 августа 1920 г. // *Документы внешней политики СССР*. Т. 3. М., 1959. С. 101–116.
 - ⁶ См. также: *Щербакова Е. В.* Законодательная регламентация оптации гражданства (1920–1922 гг.) // *Ленинградский юридический журнал*. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatel'naya-reglamentatsiya-optatsii-grazhdanstva-1920-1922-gg> (дата обращения 05.07.2021).
 - ⁷ Соглашение о взаимном возвращении на родину военнопленных, находящихся в Латвии и России. 16 ноября 1920 г. // *ГА РФ. Ф. Р.-3333*. Оп. 2. Д. 194. Л. 20–22.
 - ⁸ *ГА РФ. Ф. Р.-3333*. Оп. 2. Д. 194. Л. 21.
 - ⁹ Соглашение, заключенное между Россией и Латвией о порядке оптации гражданства, возвращения на родину, вывоза и ликвидации имущества граждан обеих договаривающихся сторон. Ч. 1. Рига, 22 июля 1921 г. Подписали З. А. Мейеровицс, Я. Весманис, Я. С. Ганецкий, Л. Н. Александри (АВП РФ. Ф. 150. Оп. 4. П. 8. Д. 28. Л. 2–6). В ноябре 1921 г. были приняты еще две части данного соглашения. См.: Соглашение между РСФСР и Латвией о порядке оптации гражданства, возвращения на родину, вывоза и ликвидации имущества граждан обеих договаривающихся сторон, заключенное в Риге 6 ноября 1921 г. Ч. 2 и 3. Подписали Я. С. Ганецкий, Л. Н. Александри, А. А. Аустрин, З. А. Мейеровицс, А. Бирзниекс, Я. Весманис. (Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. I. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1-го января 1924 года. М., 1924.)
 - ¹⁰ Соглашение, заключенное между Россией и Латвией о порядке оптации гражданства, возвращения на родину, вывоза и ликвидации имущества граждан обеих договаривающихся сторон. Ч. 1. 22 июля 1921 г. // *АВП РФ. Ф. 150*. Оп. 4. П. 8. Д. 28. Л. 2–6.
 - ¹¹ Там же. Л. 3.
 - ¹² Там же. Л. 4.
 - ¹³ Там же. Л. 5.
 - ¹⁴ *АВП РФ. Ф. 150*. Оп. 4. П. 5. Д. 3. Л. 35–36.
 - ¹⁵ Там же.
 - ¹⁶ См.: *Устинова М. Я., Штраусс В. П.* Латыши // *Народы России*. Энциклопедия. М., 1994. С. 222.
 - ¹⁷ См.: *Щербакова Е. В.* Законодательная регламентация оптации гражданства. С. 203.

- ¹⁸ Например, в таком отделе в 1920–1921 гг. работал известный позже в Латвии журналист и писатель К. Лапиныч (Мертц), в том числе не слишком лестно писавший о красных латышских стрелках (см.: *Назарова Е. Л.* Латыши в русской революции. Судьба Карла Яковица // *Россия и Балтия*. Вып. 9: Источник и миф в истории / Отв. ред. А. О. Чубарьян, ред.-сост. Е. Л. Назарова. М.: Весь Мир, 2020. С. 155).
- ¹⁹ Например, известно о совместной работе по вопросам соотечественников на Дальнем Востоке представителей (агентов) Латвии и Литвы. См.: *Григаравичюте С.* Консульская служба Литвы в Дальневосточной республике в 1920–1922 годах // *Россия и Балтия*. Вып. 8: Новый мир на развалинах империи / Отв. ред. А. О. Чубарьян, ред.-сост. Е. Л. Назарова. М.: Весь Мир, 2017. С. 101–105.
- ²⁰ *Трушкова И. Ю.* Политика оптации в отношениях России и балтийских государств в 1920-е гг. // *Вестник ВятГУ*. 2016. № 10. С. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-optatsii-v-otnosheniyah-rossii-i-baltiyskih-gosudarstv-v-1920-e-gg> (дата обращения 08.07.2021).
- ²¹ *Шалда В.* Латышские беженцы в России и революция 1915–1921 гг. С. 81–82.
- ²² См.: *Нагорная О. С.* «Эвакуация в том виде, в котором она существует, губительна для военнопленных и опасна для государства». С. 57–59.
- ²³ Центральная комиссия по эвакуации населения.
- ²⁴ Инструкция по реэвакуации беженцев Латвии и Литвы, б.д. // ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 208. Л. 294.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ См.: Мирные переговоры в Москве // *Сегодня*. 1920. 15.05, № 107. С. 1.
- ²⁷ Оперативные сводки командира 17-го стрелкового полка о боевых действиях против латышских войск в районе ст. Жогово // ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 544. Л. 4 – 5 об.
- ²⁸ Там же. Л. 3 об.
- ²⁹ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 544. Л. 3 – 3 об.
- ³⁰ Акт представителей РСФСР и представителей латвийского командования об открытии пропуска эшелонов с беженцами с 11 июля 1920 г. // ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 544. Л. 6.
- ³¹ Копия ноты, представленной членом латвийской мирной делегации Я. Весманисом советской стороне о несоблюдении условий договора о реэвакуации беженцев, 3 июля 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 14. Л. 75 – 75 об.
- ³² Там же.
- ³³ *Шалда В.* Латышские беженцы в России и революция 1915–1921 гг. С. 80.
- ³⁴ Инструкция по реэвакуации беженцев Латвии и Литвы, б. д. // ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 208. Л. 294.
- ³⁵ АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 14. Л. 75 – 75 об.
- ³⁶ Там же. П. 4. Д. 1. Л. 16 – 16 об. См. также ноту З. Мееровица от 27 августа 1921 г., в которой говорилось о том, что латышей не освобождают от службы в армии и не отпускают со службы в советских учреждениях (АВП РФ. Ф. 150. Оп. 4. П. 5. Д. 3. Л. 35–37).
- ³⁷ *Шалда В.* Латышские беженцы в России и революция 1915–1921 гг. С. 82.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 210. Л. 5.
- ⁴⁰ Там же. Л. 4.
- ⁴¹ Согласно Циркуляру от 14 июня 1922 г. о порядке увольнения от военной службы членов и кандидатов РКП, латышей, литовцев и поляков, которые признавались беженцами или оптантами, строго предписывалось сразу после подачи соответствующих документов освобождать от службы тех, кто «по роду деятельности или занимаемой должности» имел дело с военными или военно-политическими тайнами. Вообще же вопросами увольнения таких лиц занимался непосредственно Политическое управление РВС. См.: Циркуляр № 59/39. 14 июня 1922 г. Политуправления Реввоенсовета // ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 86. Л. 56.
- ⁴² Об этом, например, писал в ноте от 3 июля 1920 г. латвийский посланник Я. Весманис. См.: АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 14. Л. 75 – 75 об.

- ⁴³ ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 2. Д. 104. Л. 62.
- ⁴⁴ Там же. Оп. 3. Д. 210. Л. 14.
- ⁴⁵ Начгубэвак Тюменской губернии А. Табаков — в административный отдел Центрэвака, вх. 3 августа 1921 г. // ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 186. Л. 195.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ К реэвакуации беженцев, оптантов и военнопленных // Известия. 1921. 13 августа; № 178. С. 2.
- ⁴⁸ АВП РФ. Ф. 150. Оп. 4. П. 5. Д. 3. Л. 35 — 37 об.
- ⁴⁹ См.: ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 210. Л. 91, 92.
- ⁵⁰ См.: Скопление латвийских беженцев // Сегодня. 1920. 19.05; № 97. С. 2.
- ⁵¹ АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 14. Л. 88 — 88 об.
- ⁵² См.: Протест латвийской мирной делегации // Сегодня. 1920. 13.07; № 147. С. 1.
- ⁵³ Инструкция по реэвакуации беженцев Латвии и Литвы, б. д. // ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 208. Л. 294.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ См., например: Начгубэвак Тюменской губернии А. Табаков — в административный отдел Центрэвака, вх. 3 августа 1921 г. // ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 186. Л. 195.
- ⁵⁶ Протокол совещания при 5 отделе Мобупра Штаба РККА по вопросам урегулирования порядка увольнения из Красной Армии и снятия с учета военнослужажих и военнообязанных иностранцев, беженцев и оптантов, 15 августа 1921 г. // ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 208. Л. 290.
- ⁵⁷ Там же. Л. 290 об.
- ⁵⁸ Например: Телеграмма начальника Петроэвака Мертенса в Центрэвак, 6 июля 1921 г. // ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 186. Л. 132–133.
- ⁵⁹ АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 1. Д. 6. Л. 25.
- ⁶⁰ Это русифицированная версия латышской фамилии. Вероятнее всего, правильный вариант — Круминьш (Krumiņš).
- ⁶¹ ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 312. Л. 162 — 162 об.
- ⁶² Там же. Л. 161.
- ⁶³ Доклад члена советской делегации по переговорам с Латвией политинспектора (политуправления РВС) Шеффера в ОО ВЧК о поездке в Ригу и отношении к российской мирной делегации в Риге, 24 июля 1920 г. // ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 607. Л. 1 — 1 об.
- ⁶⁴ АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 3. Д. 18. Л. 3–7. Признание Мееровицсем факта вербовки латышей в белую армию зафиксирован и в докладе Ганецкого Чичерину от 4 ноября 1920 г. См.: АВП РФ. Ф. 150. Оп. 4. П. 5. Д. 6. Л. 24–25.
- ⁶⁵ *Нагорная О. С.* «Эвакуация в том виде, в котором она существует, губительна для военнопленных и опасна для государства». С. 58.
- ⁶⁶ Председатель Центрэвака А. Эйдук — заведующему отделом Запада Наркоминдела И.С. Якубовичу, 28 июля 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 3. Д. 24. Л. 79.
- ⁶⁷ Нота полпреда РСФСР в Латвии Я. С. Ганецкого министру иностранных дел Латвии о задержании и расстрелах лиц, пытающихся выехать в Советскую Россию на основании договора о реэвакуации беженцев, 25 ноября 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 5. Д. 1. Л. 25 — 26 об.
- ⁶⁸ Центральная коллегия по делам пленных и беженцев, учреждена декретом В. И. Ленина и В. Бонч-Бруевича от 23 апреля 1918 г. и Постановлением СНК РСФСР от 27 апреля 1918 г.
- ⁶⁹ Телеграмма представителя Коллегии Пленбежа Зеберга (Зееберга) в МИД Латвии о высылке из Москвы беженцев // ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 630. Л. 1 — 2 об.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 1. Д. 4. Л. 2.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Известия. 13 августа 1921 г. № 178.

- ⁷⁵ АВП РФ. Ф. 150. Оп. 4. П. 5. Д. 3. Л. 35 — 37 об.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Предусматривалось снабжать следовавших на родину беженцев самым необходимым, преимущественно хлебом. Так, в отчете о следовании эшелона беженцев из Воронежа говорилось: «В Орле эшелону выдано продовольствие на два дня в следующей норме: хлеба $\frac{1}{2}$ фунта, сахару 3 золотника и соли 3 золотника на человека». См.: ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 5. Д. 212. Л. 5 — 5 об.
- ⁷⁸ Доклад о следовании эшелона беженцев из Твери в Латвию, 20 июля 1920 г. // ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 5. Д. 212. Л. 1; Отчет о следовании 1-го эшелона латбеженцев из Нижнего Новгорода в Латвию // Там же. Л. 27 — 27 об.
- ⁷⁹ Там же. Л. 16.
- ⁸⁰ Там же. Л. 5 об.
- ⁸¹ Там же. В случае возникновения таких ситуаций власти стремились провести расследование и выяснить, на ком лежала ответственность за посадку в поезд больных. Так, по поводу следования гомельских латышских беженцев Центрэвак запрашивал Главэвак Минска: «В докладе № 134 учетэвакотдела гомельского Губэвака сообщается, что из отправленного в Латвию 9 сентября со ст. Гомель эшелона с беженцами на станции Витебск было снято двое умерших в пути. Предлагается в порядке расследования выяснить, где были посажены умершие в пути и все обстоятельства для привлечения к ответственности виновных. Выясните также, была ли произведена санобработка партий перед погрузкой эшелона». См.: ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 5. Д. 212. Л. 15 об.
- ⁸² Там же. Л. 1, 15.
- ⁸³ Там же. Л. 1.
- ⁸⁴ Там же. Л. 16.
- ⁸⁵ АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 14. Л. 49 — 49 об.
- ⁸⁶ Там же. Л. 75 — 75 об.
- ⁸⁷ Договор между Россией и Латвией о реэвакуации беженцев 12 июня 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1958. С. 571.
- ⁸⁸ Так, например, в отчете коменданта, сопровождавшего эшелон беженцев из Нижнего Новгорода, говорилось: «Поступила масса претензий по поводу отобранных в Н.-Новгороде машин; представители Латвии указывали, что машины ни в коем случае не должны быть отобраны...» См.: ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 5. Д. 212. Л. 27 об.
- ⁸⁹ АВП РФ. Ф. 150. Оп. 4. П. 5. Д. 1. Л. 41 — 42 об.
- ⁹⁰ Нота советской делегации, представленная на мирных переговорах, о ненадлежащем выполнении латвийской стороны договора о реэвакуации беженцев, 3 декабря 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 13. Л. 72.
- ⁹¹ АВП РФ. Ф. 150. Оп. 4. П. 5. Д. 1. Л. 41 — 42 об.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 312. Л. 167.
- ⁹⁴ Там же. Л. 176 — 176 об.
- ⁹⁵ АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 1. Д. 4. Л. 5, 12, 16 — 16 об.
- ⁹⁶ Там же. П. 4. Д. 1. Л. 5.
- ⁹⁷ Там же. Оп. 4. П. 5. Д. 3. Л. 93 — 93 об.
- ⁹⁸ Там же. Оп. 3. П. 4. Д. 1. Л. 12.
- ⁹⁹ Ответ наркоминдела Г. В. Чичерина на ноту латвийского посланника в Москве Я. Весманиса по вопросу о содержании латышей в советских тюрьмах, 6 декабря 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 1. Д. 3. Л. 3.
- ¹⁰⁰ Ст. 20 договора 11 августа 1920 г.: «После ратификации сего договора Российское правительство освобождает латвийских граждан и оптирующих латвийское гражданство, а Латвийское правительство — российских граждан и оптирующих российское гражданство, военного и гражданского звания, от наказаний по всем политическим и дисциплинарным делам. Если же приговоры по этим делам еще не состоялись, то производство по ним прекращается.

Не пользуются амнистией лица, совершившие вышеуказанные деяния после подписания сего договора.

Лица, находящиеся под следствием или судом, либо задержанные по обвинению в совершенных до ратификации сего договора уголовных преступлениях и проступках, а равно отбывающие наказание по таковым, выдаются немедленно по требованию их правительства. При их выдаче одновременно выдаются соответствующие следственные или судебные материалы.

Вместе с тем обе договаривающиеся стороны освобождают и собственных граждан от наказаний за деяния, совершенные ими до подписания настоящего договора в пользу другой стороны.

Примечание 1. Поскольку постановлениями означенной статьи лица подпадают под амнистию или подлежат выдаче, постольку уже с момента подписания настоящего договора присужденные наказания по отношению к ним не приводятся в исполнение.

Примечание 2. Под действие сей статьи не подпадают российские граждане и опирающиеся российской гражданство, участвовавшие в заговоре 16 апреля 1919 г. и в Бермондтовском нападении».

¹⁰¹ АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 5. Д. 1. Л. 25 — 26 об.

¹⁰² ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 312. Л. 224.

¹⁰³ Переворот 16 апреля 1919 г. — название событий, происходивших в Лиенае в ходе войны за независимость, когда немецкое военное командование под командованием Рюдигера фон дер Гольца сместило правительство К. Улманиса и сформировало новое правительство Андриевса Ниедры. Весной 1919 г. в Латвии существовали три правительства — правительство Улманиса (базировалось на судне «Саратов» в Лиенайском порту), правительство А. Ниедры, поддерживаемое немцами, и правительство П. Стучки, опиравшееся на Советскую Россию. См.: История Латвии. XX в. Jūstava, 2005. С. 127.

¹⁰⁴ Наступление, предпринятое П. Р. Бермондт-Аваловым, участником белого движения в Прибалтике. В августе 1919 г. армия Бермондт-Авалова получила задачу наступать в направлении Двинск (Даугавпилс) — Великие Луки — Вышний Волочок, чтобы прервать сообщение между Москвой и Петроградом. Эти намерения пришли в конфликт с правительством Латвии, которое стремилось не допустить оккупации почти всей страны со стороны русской армии, сотрудничавшей с немцами. Части Бермондта наступали на Ригу, им оказывала сопротивление национальная армия. В начале декабря остатки армии Бермондта отошли в Германию.

¹⁰⁵ *Нагорная О. В.* «Эвакуация в том виде, в котором она существует, губительна для военнопленных и опасна для государства». С. 61; *Шалда В.* Латышские беженцы в России и революции 1915–1921 гг. С. 83.

References

BARTELE T., SHALDA V. *Latvishskije bezhentsy v Rossii v gody Grazhdanskoj vojny* [Latvian refugees in Russia during the Civil War. In Russ.] // Otechestvennaya istoriya. 2000. No. 1. S. 18–31.

BEIKA A. *Latvijas pavalstniecības optēšanas problēmas Sibīrijā 20. gs. 20. gadu sākumā* // Latvijas Arhīvi. 1994. No. 4. 26–31. lpp.

BELKOVETS L.P., SHUMSKAYA K.V. *Mirnyy dogovor mezhdru Rossiiyey i Latviyey 1920 g.v kontekste rossiiysko-germanskogo protivostoyaniya* [Peace treaty between Russia and Latvia in 1920 in the context of the Russian-German confrontation. In Russ.] // Politika i obshchestvo. 2012. No. 11 (95). S. 134–143.

BELKOVETS L.P., SHUMSKAYA K.V. *Rossiysko-latviyskiye otnosheniya pervogo perioda nezavisimosti Latvii v kontekste vostochnoy politiki Germanii* [Russian-Latvian relations of the first period of independence of Latvia in the context of the eastern policy of Germany In Russ.] // Sotsiodinamika. 2013. No. 4. S. 136–184.

DOI: 10.7256/2306–0158.2013.4.489. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=489 (date of access 02.11.2021).

GRIGARAVICHYUTE S. *Konsul'skaya sluzhba Litvy v Dal'nevostochnoy respublike v 1920–1922 godakh* [Consular service of Lithuania in the Far Eastern Republic in 1920–1922. In Russ.] // *Rossiya i Baltiya*. Vyp. 8: Novyy mir na razvalinakh imperii / Otv. red. A. O. Chubar'yan, red.-sost. Ye. L. Nazarova. Moscow: Ves' Mir, 2017. S. 94–107.

NAGORNAYA O. S. “*Evakuatsiya v tom vide, v kotorom ona sushchestvuyet, gubitel'na dlya voyennoplennykh i opasna dlya gosudarstva*”: Sovetskaya praktika repatriatsii russkikh voyennoplennykh pervoy mirovoy voyny [“Evacuation in the form in which it exists is destructive for prisoners of war and dangerous for the state”: Soviet practice of repatriation of Russian prisoners of war of the First World War. In Russ.] // *Vestnik ChelGU*. 2008. No. 15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evakuatsiya-v-tom-vide-v-kotorom-onasuschestvuet-gubitelna-dlya-voennoplennykh-i-opasna-dlya-gosudarstva-sovetskaya-praktika-repatriatsii> (date of access 05.08.2021).

NAZAROVA Ye. L. *Latyshy v russkoy revolyutsii. Sud'ba Karla Yakovitsa* [Latvians in the Russian Revolution. The fate of Karl Yakovits. In Russ.] // *Rossiya i Baltiya*. Vyp. 9: Istochnik i mif v istorii / Otv. red. A. O. Chubar'yan, red.-sost. Ye. L. Nazarova. Moscow: Ves' Mir, 2020. S. 143–186.

SHALDA V. *Latyshskiy bezhentsy v Rossii i revolyutsiya 1915–1921 gg.* [Latvian refugees in Russia and the revolution of 1915–1921. In Russ.] // *Rossiya i Baltiya*. Vyp. 2. Epokha peremen / Otv. red. A. O. Chubar'yan, red.-sost. Ye. L. Nazarova. Moscow, 2002. S. 60–87.

SHCHERBAKOVA Ye. V. *Zakonodatel'naya reglamentatsiya optatsii grazhdanstva (1920–1922 gg.)* [Legislative regulation of the option of citizenship (1920–1922). In Russ.] // *Leningradskiy yuridicheskii zhurnal*. 2012. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatel'naya-reglamentatsiya-optatsii-grazhdanstva-1920-1922-gg> (date of access 05.07.2021).

TRUSHKOVA I. Yu. *Politika optatsii v otnosheniyakh Rossii i baltiyskikh gosudarstv v 1920-ye gg.* [Option policy in relations between Russia and the Baltic states in the 1920s. In Russ.] // *Vestnik VyatGU*. 2016. No. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-optatsii-v-otnosheniyah-rossii-i-baltiyskih-gosudarstv-v-1920-e-gg> (date of access 08.07.2021).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ю. Л. Михайлова. Советско-латвийский договор 11 августа 1920 г.: законодательное регулирование и практика обмена беженцами и оптации // Петербургский исторический журнал. 2021. № 4. С. 168–192

Аннотация: В статье освещаются механизмы реализации советско-латвийского мирного договора 11 августа 1920 г. в части решения проблем беженцев (организация пропускных пунктов, условия, в которых следовали беженцы на родину), права оптации гражданства с обеих сторон, реэвакуации имущества и взаимного удержания заложников. Основной законодательной базой для правового определения обмена беженцами и оптации являлись статьи мирного договора, а также дополнительные соглашения. Формально эти законодательные акты были призваны регулировать возможно быстрый обмен беженцами и предоставляли желающим возможность сделать выбор гражданства в пользу России или Латвии. Однако практика обмена беженцами и оптации далеко не всегда совпадала с нормами договоров. Архивные документы отражают взаимные претензии и сложности, возникавшие при организации возвращения на родину беженцев и оптантов.

Ключевые слова: советско-латвийский договор 11 августа 1920 г., мирные переговоры между РСФСР и Латвией, реэвакуация имущества, обмен беженцами, оптация.

FOR CITATION

Yu. L. Mikhailova. Soviet-Latvian treaty of August 11, 1920: Legislative regulation and practice of refugee exchange and option // Petersburg historical journal, no. 4, 2021, pp. 168–192

Abstract: The article analyses the mechanisms of implementation of the Soviet-Latvian peace treaty of August 11, 1920 in terms of resolving refugee problems (organization of checkpoints, conditions in which refugees followed home), the right to opt for citizenship on both sides, re-evacuation of property and mutual holding of hostages. The main legislative basis for the legal definition of the exchange of refugees and options were the articles of the peace treaty, as well as additional agreements. Formally, these legislative acts were designed to regulate fast exchange of refugees and provided those wishing with the opportunity to make a choice of citizenship in favour of Russia or Latvia. However, the practice of exchanging refugees and options did not always coincide with the norms of the treaties. Archival documents reflect mutual claims and difficulties that arose when organizing the return to their homeland of refugees and optants.

Key words: Soviet-Latvian treaty of August 11, 1920, peace negotiations between Russia and Latvia, re-evacuation of property, exchange of refugees, option.

Автор: Михайлова, Юлия Леонидовна — к. и. н., старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук.

Author: Mikhailova, Yulia Leonidovna — PhD, senior research fellow, Institute of World History Russian Academy of Sciences.

E-mail: michailova@list.ru